

— Наше путешествие в Монголии будет необычным. Нам всем за шестьдесят или даже за семьдесят лет, поэтому план путешествия я придумал для нашего возраста несложный, — такими словами начал свою речь турист и путешественник из Партизанска Геннадий Козлов, раскладывая перед нами карту Монголии. Рядом с ним за столом сидели два его друга, Сергей Чайка и Геннадий Г. Напротив — туристы из Находки: Вадим Говор, Татьяна О. и автор этих строк.

— Совершаем восхождение, — продолжил Козлов, — на самую высокую вершину Больших Саян — Мунку-Сардык. Высота ее три тысячи четыреста девяносто один метр над уровнем моря. Учитывая, что озеро Хубсугул находится на высоте тысячи шестисот метров, подняться предстоит примерно на высоту горы Облачной. Это первая категория сложности (самая высокая категория в туризме шестая). Многие туристы из России мечтают побывать на этой вершине. Затем собираем тримаран и с попутным ветром сплавляемся по озеру Хубсугул. Длина озера сто тридцать пять километров. Ширина от двадцати до сорока километров. На это уйдет дня три-четыре. Потом сплав по рекам Эгийн-Гол, Дэлгэр-Мурэн до поселка Селенга. Если хорошо пойдет, то до слияния реки Селенги с рекой Орхон. Там поселок Сухэ-Батор. Рядом и Кяхта. Расстояние шестьсот пятьдесят километров. Разбираем плот. Пересекаем границу. Возвращаемся домой.

— А в чем необычность путешествия? — заинтересовалась Татьяна. — В прошлом году мы сплавлялись в Якутии по рекам Синей и Лене. Там видели удивительные Синские и Ленские столбы. Что нас ждет удивительного в Монголии? Я не только о фотографировании

спрашиваю. Будут ли монгольские позы и кумыс? Смогу ли я там зарыдить батарею?

— Заряжать батареи можно в поселках и на базах отдыха. Питаться будем в основном рыбой. В реках много хариуса, в озере — ленков и сомов. Будем варить уху, жарить рыбу. На базах отдыха, конечно, будем есть монгольские позы и пить кумыс. Грибы и ягоды тоже будут. Ты, Татьяна, увидишь верблюдов. Ведь ты мечтала увидеть верблюда?

— Еще как! — ответила Татьяна.

— На озере и реках много разных непуганых птиц. Можно будет фотографировать почти в упор.

Перед путешествием я всегда стараюсь побольше узнать о населении, о достопримечательностях той местности. И в этот раз, впервые отправляясь в Монголию, перечитал несколько книг, написанных великими путешественниками и учеными: супругами Потаниными — Григорием Николаевичем и легендарной его женой Александрой Викторовной, Михаилом Васильевичем Певцовым, Петром Кузьмичем Козловым и Юрием Николаевичем Рерихом.

«Страна Монгольская* высокая, со всех сторон окружена горами, и в самой стране много горных хребтов, иногда таких высоких, что на вершинах их лежит вечно нарастаивающий снег. У нас такие высокие горы есть только на Кавказе да в Сибири, по границе с Монголией, а там, в Монголии, куда ни пойдешь, все встретишь горы, если не везде высокие, то хотя бы небольшие. Рек в Монголии, напротив, мало. Одна только и есть большая река — Хатун-Мурэн, или Желтая, как мы ее зовем. Она своим устьем впадает в океан, низовья ее находятся в Китае. Все другие реки не так значительны

* Страна Монгольская — общее понятие, в него входят и территории нынешней КНР. — В. М.

и выпадают либо в озера, либо в другие реки. Озер в Монголии много: два самых больших, Кукунор и Лобнор*, расположены на границах Монголии, Тибетского государства и Туркестана. Вода в малых озерах часто бывает соленая, и берега их пустынные, а потому для страны эти озера малополезны. Дождей в Монголии выпадает мало, потому что страна эта от морей отгорожена горами и дождевые облака осаждаются на горах и до нее не доходят. В Монголии воздух сухой. Лесов в Монголии очень мало, только на горах растут хвойные леса, да по берегам рек в иных местах растут лиственные деревья, а случается, целую неделю едешь — и нигде ни одного дерева не увидишь. Монголия — страна по преимуществу степная. Однако и степи ее не особенно богаты травами. Через Монголию, с запада на восток, проходит безтравная полоса. Местами полоса эта верст до двухсот в ширину... Эту полосу так и зовут пустыней, а сами монголы зовут ее Гоби. В такой неблагоприятной для растительности стране земледелие, конечно, не может идти хорошо. Главное богатство этой страны составляют животные. По степям ходят дикие стада коз, а в горах водятся дикие бараны, с большими рогами. Все монголы разводят домашний скот, и это — их главное богатство. У богатых людей бывает не по одной сотне голов рогатого скота, помногу лошадей и верблюдов. Монголы приняли буддийскую веру не прямо от индийцев, а от соседнего народа — тибетцев. Буддисты, кроме веры в учителя своего Будду-Сакьямуни (Шакьямуни), верят еще в другие божества, которые, по их мнению, желая научить людей хорошей жизни, рождаются на земле и живут между ними, поддерживая в людях веру, добрые чувства и добродетельную жизнь. Между этими божествами, воплощающимися в людях, в Тибете и Монголии почитают больше всего Арья-Бало. Они считают его самым милосердным. Кроме этих статуй Арья-Бало, тибетцы и монголы почитают также воплощенного Арья-Бало в виде человека, который живет постоянно в Тибете, в городе Лхасе, в монастыре. Называют его Далай-ламой. Кроме Далай-ламы, есть еще много таких же перерожденцев, или хубилганов, как называют их монголы. Главный из монгольских хубилганов живет в Урге, в Монголии, в большом богатом монастыре. Когда хубилган умирает, ламы начинают ис-

кать между новорожденными мальчиками — не возродилась ли в котором из них душа умершего хубилгана. В каждой монгольской семье отец и мать назначают одного или двух сыновей в ламы. Ламы всегда носят желтую одежду, обыкновенно монгольский халат. Необходимая принадлежность ламы — четки, перебирая их, он произносит главную молитву буддистов: «ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ» — «О жемчужина, сияющая в цветке лотоса!». Эту молитву монголы пишут на камнях при дорогах, чтобы прохожие могли ее прочитать. Буддизм монголов во многом отличается от того буддизма, которому учил Сакьямуни, и потому его, в отличие, называю-ют ламанизмом» (А. В. Потанина).

«По монгольскому поверью гэгэны по смерти вновь возрождаются. Ребенок, в котором возродилась вновь душа покойника, узнается по знамению, являющемуся в юрте, где находится мать будущего гэгэна. Знамение заключается в явлении радуги. Когда чудесное зачатие объявится, туда посылают лам, которые и ждут появления на свет святого мальчика. Когда мальчик выучится говорить, ему показывают вещи покойного гэгэна. Мальчик иногда сразу же узнает, что это его вещи. Он вспоминает, что он употребил их в прежней жизни» (Г. Н. Потанин).

Но вот нахожу в книге Потаниных главное: «Здесь местным духом считается Мунко-Саган баобай (если переводить буквально: «Мать вечно белая, отец Царь-Лошадь господин»). Рассказчик прямо отнес это имя к тому вечному снегу, который в наших географиях называется Мунку-Сардык. Буряты этот белок называют несколько иначе, именно: Мунко-Саган. Говорят, что Хан-Морин и Хятагай — два имени вершины белка Мунко-Саган» (Г. Н. Потанин).

Далее, читая книги Потаниных, думаю — не может такого быть, чтобы они в этой местности не побывали. Здесь, со слов Геннадия Козлова, самая высокая гора в Монголии. Здесь одно из самых больших и красивых озер в Монголии. Здесь короткий путь из Иркутска в пустыню Гоби. И нахожу! В книге А. В. Потаниной «Из странствия по Урянхайской земле»: «В 1876 году мы подходили к ее восточной оконечности, к озеру Косогол. Величественная Танну-Ола. Перевал Торхонликий. На перевале «обо». (Обо — «куча, груда, насыпь» с монгольского. Культовые места у монголов, бурят, тувинцев, хакасов.

* Озера Кукунор и Лобнор находятся на территории КНР. — В. М.

Это места поклонения местным рядовым или территориальным духам. Хозяином обо считаются духи умерших шаманов, предков или божества небесного происхождения. Считается, что обо творит погоду, отвечает за урожаи, здоровье, благополучие. Культ обо возник у ранних кочевников и связан с шаманизмом.) Проехав еще два дня по направлению к северу, мы увидели, наконец, озеро Косогол. Нам виден был отсюда только его северный конец, за которым поднимался величественный белок Мунку-Сардык. От главного пика в обе стороны протянулись две другие, более плоские вершины... Берегом озера мы ехали два дня и только 22 ноября поднялись на очень плоский перевал и долго ехали степью, где снегу почти не было. Озеро осталось позади. Скоро мы перестали видеть и величественный Мунку-Сардык с этой высокой степи. По крутой и лесистой долине спустились к местности Мон, где живут уже русские буряты. Реки отсюда уже текут в Иркут» (А. В. Потанина).

Да это же наш путь в Монголии!

Но почему Косогол, а не Хубсугул? Кто и когда дал названия этому озеру?

Читаю книгу Певцова о Монголии.

«По языку и отчасти по различию внутреннего быта монгольское население распадается на несколько народностей. Из них самую многочисленную представляют обитатели центральной и северо-восточной части страны, составляющих так называемую Халху. Все халхасцы говорят одним и тем же чистым монгольским языком и исповедуют, подобно прочим монгольским народностям, буддизм. Мужчины большую часть дня, если нет спешной работы, проводят в праздности, сидя у очага и покуривая трубки, или отправляются в гости в соседний улус и непременно всегда верхом, хотя бы до этого улуса было несколько сот шагов. Разъезды по гостям бывают в особенности часты летом, когда у монголов готовится кумыс и гонится водка. Скотоводство составляет главное, основное занятие обывателей Монголии. Кроме рогатого скота, в этой стране пасутся огромные стада баранов, множество лошадей и верблюдов. Нечего и говорить, что все монголы отличные наездники. Тяжести монголы перевозят преимущественно вьючным способом на верблюдах. Верблюды в Монголии двугорбые, хорошо обучены и очень привычны к продолжительным движениям под вьюками. Из хлебных растений в Монголии

возделываются: пшеница, ячмень, просо и овес. Монголы занимаются отчасти и охотой. Больше всего они охотятся на сурков, мясо которых едят, а шкуры продают нашим купцам. Сурков караулят у нор с ружьями или с собаками. Ловят их также и в капканы. Настоящие звероловы встречаются в Монголии только в среде алтайских и енисейских урянхаев, земли которых изобилуют зверями. Уренхай бьют маралов, коз, медведей, соболей, куниц, лисиц, волков, рысей, сурков и белок. Ремесла очень мало знакомы монголам: большую часть предметов промышленности обрабатывающей они покупают у китайцев. Местные ремесленники делают, однако, хорошие огнива и ножи, а также некоторые серебряные вещи, как то: серьги, браслеты, кольца и бляхи. Монголы хорошо дубят овчины. Войлоки монголы делают сами. Монголия, будучи составной частью Китайской империи, имеет, однако, собственную администрацию (из монголов) и сохранила прежнюю удельную систему. Уделами, или хошунами, управляют наследственно монгольские князья, утверждаемые в правах владения ими богдо-ханом. Но власть удельных князей ограничена законами. В Монголии существует высший административный надзор за удельными князьями, установленный китайским правительством. Хошуны соединяются в аймаки, представляющие собою не что иное, как группы удельных княжеств, из которых каждое имеет собственный сейм».

И у Певцова нахожу главное к местности, где предстоит наше путешествие. «В Халхе существует еще так называемое Шабинское ведомство. Оно состоит из монголов в числе около 20000 душ, подаренных в разное время удельными князьями ургинскому хутухте и представляющих ныне его данников. Эти монголы кочуют в разных халхаских хошунах на землях, предоставленных им во временное пользование. К Шабинскому ведомству принадлежат также монголы-дархаты, населяющие горную страну к юго-западу от озера Косогола».

Маршрут Рериховской экспедиции пролегал в 1927 году в Монголии от столицы Бурятской автономной области Улан-Удэ (Верхнеудинск) до столицы Монголии Улан-Батор (Урга), далее через Юм-бейсе в Тибет. Первым населенным пунктом, через который прошла экспедиция, был Алтын-Булак — небольшой городок со смешанным населением из русских, монголов

и китайцев. «Достигли реки Иро, одного из притоков Селенги. Здесь, на берегах реки Иро, недавно родился мальчик, проявивший странные способности. Его появление на свет сопровождалось знаменами, мать-шаманка слышала таинственные голоса, а сам ребенок изрекал пророчества о будущей славе буддийской Монголии. Повсюду шептали о приходе вновь воплощенного Джебцзун-дамба-хутухты...»

На рассвете мы снова отправились в путь по красивой гористой местности с долинами, покрытыми травой, и холмами, поросшими лесом. Эти холмы являются отрогами Кентайских гор. Здесь генерал П. К. Козлов, замечательный русский исследователь, сделал блестящее открытие, обнаружив старинные ткани, выполненные в так называемом «зверином стиле». Местность, по которой пролегал наш путь, всегда вызывала восторг. Урга, или Улан-Батор-Хото, — столица автономной Монголии, и самый большой ее город находится у места слияния рек Толы и Сельбы... В окрестностях Богдо-Улы (национальный парк) с XVIII века строго запрещена рубка деревьев и охота. Императорский двор узаконил культ священной горы. Основанием была вера в то, что у подножия горы Богдо-Ула родился Чингисхан... На южном склоне горы стоит монастырь Манджушри-хит, известный на всю Монголию... Европейцам город был известен как Урга, что соответствует монгольскому слову «ургу», то есть «великолепный лагерь, дворец»... Монголы неизменно называли город Икхе-кюрен, что значит «Великий монастырь»... В 1924 году Великий Народный Хурал Монголии переименовал Ургу в Улан-Батор-Хото, или «Город Красного Богатыря»... Другая достопримечательность города — бывший дворец Сайн Нойн хана... Он расположен между Ургой и Толой... Собаки Урги — санитары города. Монголы редко хоронят своих умерших. Обычно их тела отвозят в долину, к северу от Урги, и сбрасывают на землю на съедение собакам... Величайшими сокровищами музея и библиотеки являются чудесные находки генерала П. К. Козлова в горах Ноин-ула и полный комплект Танджура... Наибольший интерес в Урге представляют монастыри и другие религиозные сооружения. Они возвышаются над городом. Самая старая религиозная постройка — Икхе-кюрен... Самый лучший храм в кюрене посвящен Майтрейе...

В северо-западной части Урги находится знаменитый монастырь Ганден — место изучения высшего буддизма... Одним из важнейших событий в религиозной жизни столицы является процессия Майдари, которая проходит в третьем или четвертом месяце монгольского года. Это внушительное шествие охватывает весь город. Огромные толпы людей приходят посмотреть на несомое изображение грядущего Будды».

Прочитав эту главу о Монголии, я уже мысленно принял решение, что в поселке Селенга распрощаюсь с группой и поеду в столицу Монголии на автобусе. Кто-то из туристов в доме Козлова уже высказывал желание обязательно побывать в Улан-Баторе. Это меня устраивало.

Каждый турист, отправляясь в путешествие, мысленно разбивает путь на этапы. Этапы могут быть малыми и большими, легкими и сложными. Но каждый важный. Донести сорокапяткилограммовый рюкзак до автовокзала несложно. Но опоздай автобус к Партизанскому автовокзалу, где собираются все участники с групповым снаряжением и продуктами, сразу же начнутся большие проблемы. Значит, опоздаем на электричку, а затем и на поезд. Путешествие сорвано. Но все идет удачно. Автобус из Находки идет по расписанию. Сижу с Татьяной. Достав из малого рюкзака тетрадь, прочитал ей некоторые заветные мысли, записанные мною для путешественника. «Великое чувство — Радость готовности! Самое удобное для путешествия — полная готовность... Человек может преодолеть все преграды, если ему ясна цель странствий...». «О качестве путешествий. Необходимо усвоить, как нужно путешествовать! Не только надо оторваться от дома, но надо преобороть само понятие дома. Точнее сказать — нужно расширить дом. Там, где мы — там и дом. Мудрые говорят: «Мы против затворничества. Не подобает людям сидеть в скворечнике. Пора знать планету и помочь ей». И еще: «Хождение по землям имеет, между прочим, и ту особенность, что приучает к всевозможным условиям. Человек, познавший сердца народов, не потеряется в толпах Тонкого Мира. Не забудем и другое качество, необходимое в пути, — непривязанность к собственности. Привязанность скупца есть препятствие неодолимое. При готовности к движению очищается мышление. Полезно, чтобы люди любили путешествия и умели разви-

вать в себе чувство подвижности. Именно это чувство пригодится в Тонком Мире. Ведь и там можно погрузиться в неподвижности духа. Но как же тогда устремиться к верхним слоям?

Полюбите Природу, и она научит вас восхождению. Кто не мыслит о Природе, тот не знает приюта духа. Природа есть окно к дальнему миру и вход в Мир Надземный».

— Как это все верно! — удивилась Татьяна. — Откуда вы это выписали?

— Есть такое Учение «Живая Этика». Приняла его от Учителей Елена Рерих.

— Кто такие Учителя?

— Это хранители человечества. Великие Архаты или Ангелы. Гималайское Белое Братство. Движатели и Держатели Планеты нашей. Их еще называют Махатмами. Это Сыны Света, пришедшие из высших миров (Венеры и Юпитера) на нашу Землю для ускорения эволюции ее человечества.

— Каким образом Они нам помогают? — засомневалась Татьяна.

— Помогают творить и содействовать добру. Спасают достойных людей в минуту опасности.

— Это те, которые якобы живут в Шамбале?

— Да. Именно Они живут в Шамбале.

— Что такое Шамбала? И где она находится?

— Это необходимое место, где духовный мир сочается с материальным. Находится в Гималаях.

— Почему это место до сих пор не найдут?

— Они так говорят: «Географы могут успокоиться. Мы занимаем на Земле определенное место. Как же найти путь к Нашим лабораториям? Без зова никто не дойдет. Без проводника никто не пройдет! Главный признак Нашего Зова, — когда вас, как крылья, непреложно несут».

— Как-то с трудом в это верится. Столько сейчас пишут об этой Шамбале, об НЛЮ, что запутаться можно.

— Вот зачитаю тебе из Учения: «Кто же Мои люди? Те, кто не чует места дома своего. Те, кто не помнят драгоценности вещей. Кто любит идти в гору. Кто любит пение птиц. Кто ценит воздух часа утреннего. Кто действие почитает более, нежели время. Кто цветы понимает. Кто являет бесстрашие, не замечая его. Кто толков не любит. Кто ценит явление радости красоты. Кто понимает жизнь за пределами

видимости. Те Мои люди могут Мою Власть расходовать».

Последние строки произнес, когда мы подъезжали к Партизанскому автовокзалу. Татьяна, увидев Козлова, замахала ему рукой и вышла из автобуса. Определить, насколько она прониклась теми мыслями, что я ей сказал и прочитал, не смог. Оставил беседу с ней об Учителях и о Шамбале до благоприятного случая.

В вагоне Вадим познакомился с японским путешественником, который решил проехать по всей России. Проработав двадцать лет переводчиком японского языка в Интуристе, Вадим легко нашел с ним общий язык. Нам было удивительно, с каким изумлением японец смотрел в окно и разглядывал нескончаемый однообразный пейзаж, который тянулся не одну сотню километров.

— Он говорит, — пояснил нам Вадим, — что не может поверить, что есть такие безлюдные пространства. Я ему сказал, что Россия хранит эти земли для будущих поколений.

Разглядывать эти скучные пейзажи нам надоело, и мы каждый занялись своим делом. Кто-то читал газеты. Иные спали. Мы с Сергеем играли в шахматы. Да и что было глядеть в окно? На протяжении более тысячи километров одна и та же картина: кочковатые болота, заросшие чахлыми березками и лиственницами, серые станционные поселки с домами столетней давности, развалины каких-то сооружений. Как выживают люди в этих поселках, неизвестно. С Забайкалья началась местность много интереснее. Появились горы и сосновые леса, красочные поляны кипрея. Когда-то Россия заготавливала эти цветы как чай и продавала во все европейские страны. Вот бы возобновить этот промысел!

Увидев реку Селенгу, Козлов воскликнул:

— Сережа, посмотри на эту реку. Обмелела. Вброд можно перейти. Какие же ее притоки?! Посмотрим исток реки, который вытекает из озера. Поспрашиваем монголов.

Но вот наконец Байкал и станция Слюдянка. Это перевалочный пункт для сотен и тысяч российских и иностранных туристов. Отсюда путь к Аршанам и знаменитым Шумацким источникам. Отсюда туристы едут к Китайским и Тункинским гольцам, где много горных озер и водопадов. В Слю-

дажке нас ждет водитель микроавтобуса, с которым Козлов созвонился еще в поезде. Быстро загружаемся. Машина мчится по прекрасной дороге к приграничному поселку Монды. Козлов с нетерпением ждал появления реки Иркут. Увидев ее, произнес:

— Если в Монголии не пойдет у нас, то будем сплавляться по этой реке до Иркутска. Берега красивые. Есть каньоны. Много скал. И рыба есть. Но это после сплава по озеру. Запасной вариант.

Вот и поселок Монды. Остановка в гостинице. Поиск автомашины и водителя для переезда через границу в монгольское село Ханх. И опять удача. У магазина нашли монгольского водителя, который приехал из Ханха к своей жене, работающей в магазине поселка Монды. Договорились о переезде и цене. На рассвете выезжаем к границе. Процедура перехода границы длительная. Впереди нас два десятка автомашин. Это российские рыбаки. В основном из Иркутска. Значит, действительно рыба в озере и в реках Монголии есть. Но и это прошли. Едем к селу Ханх. Вот и озеро, и рядом это село. Крыши домов раскрашены яркими красками. Создается праздничное настроение. Водитель, которого мы назвали Мишей по созвучию с его монгольским именем, неплохо понимал русскую речь и немного говорил по-русски. Он нам объяснил, что лучше нам будет остановиться во дворе его дома, где можно поставить палатки бесплатно. Он нас завтра и отвезет к месту, откуда туристы начинают восхождение на гору Мунку-Сардык. Конечно, мы приняли его предложение. От него же узнали, что за восхождение на гору надо заплатить пограничникам по одной тысяче рублей с человека. Этот побор показался нам странным, так как при въезде в поселок мы заплатили пограничнику по сто рублей каждый за въезд в природный комплекс озера Хубсугул. Но деваться было некуда. Пришлось на пограничной заставе деньги отдать. Никакого чека или квитанции пограничник нам не выдал. Явно поборы сомнительные. Наш водитель оказался отменным коммерсантом. В поселке Монды он заправил все баки и емкости бензином. У въезда в поселок Ханх его уже ждали десятки мотоциклистов. Полился бензин в баки мотоциклов. Зашуршали денежные купюры. Миша объяснил нам, что заправки в Ханхе нет. Водители автомашин ездят заправляться в Монды. На этой проблеме некоторые местные неплохо зарабатывают.

Монголов, скачущих на лошадях, мы за все время путешествия в Монголии не увидели. Молодежь ездит на мотоциклах. Мужчины постарше в основном на автомашинах УАЗ («таблетка», как здесь называют эту нашу автомашину). Некоторые жители поселка ездят на автомашинах Ленд Крузер. Это владельцы баз отдыха и чиновники. У Миши десять коров и яков находятся в загоне, рядом с домом, и еще пятьдесят животных на летнем стойбище у озера. Строит большой новый дом.

В первый же день приезда пошел прогуляться к озеру. Поразил лес. Одна лиственница. У нас в Приморье эту лиственницу называют ольгинской. Но здесь деревья гораздо толще, корявей, сучьями от комля. Подлеска нет. Трава невысокая. В лесу много разбросанных костей от коров и овец. Неужели люди выбрасывают кости в лесу? Зачем? Вечером узнал, что кости в лесу от животных, которых задрали волки. Волков в лесу много. В этом мы убедились, когда ночью в палатке услышали их вой. Жутко это. Дорога привела к базе отдыха. Стоит база на высоком берегу у озера. На территории базы двухэтажный красивый дом и два десятка больших белых юрт. У дома несколько импортных машин. Обзор на десятки километров. К базе поднималась русская женщина. Идет легко с двумя лыжными палочками. Разговорились. Оказывается, вчера она с товарищами ходила на вершину горы Мунку-Сардык.

— День был неудачный, — рассказывала она. — Пошел снег. Пришлось лезть на вершину на четвереньках. Спускаться было еще сложнее. В основном на пятой точке, — рассмеялась женщина.

— Неужели поднялись?

— Поднялись. Видимости почти никакой. Холодно.

Во время разговора над поселком появилась радуга.

— Хороший знак. Вон эта вершина, — добавила она, показав палкой на одну из вершин, которые стояли над лесом. — Под вершиной лежит ледник. Видите?

— Вижу. Как далеко!

— Успели сходить за день.

— Мы завтра идем к этой горе.

— Счастливого пути! — пожелала женщина и продолжила путь к базе отдыха.

Смотрел ей вслед и восхищался. Какие же есть сильные духом и телом русские женщины!

Совершить поход в запланированный день не удалось. Миша распродал весь бензин. Только к вечеру следующего дня из Монды приедет его сын и привезет бензин. Мы сначала были возмущены этим обстоятельством, но оказалось, что переживали зря. Весь следующий день был пасмурным и даже с дождем. Дважды за день были радуги. К вечеру бензин действительно привезли. Миша заправил свою «таблетку» и объявил нам, что завтра выезжаем в пять часов утра. Встали в четыре часа. Разогрели на костре сваренную с вечера кашу. Вскипятили чай. Собрали малые рюкзаки, взяв продукты, воду, фонарики, дождевики. Поход однодневный. В половине седьмого приехали к поляне, откуда начинается тропа к «нашей» горе. Тропа хорошо набитая. Около километра идем по лесу. Выходим в лесотундру. Среди зарослей березового сланца тропа часто терется. Если бы не белые ленты, повязанные на ветках деревьев, тропу можно потерять. Идти же по сланцу почти невозможно. Семь вершин Больших Саян стоят перед нами словно Семь Братьев-Богатырей. Настроение приподнятое еще хорошим началом дня. О таком дне фотографии могут только мечтать. Белые облака, голубое небо, ветерок умеренный. Татьяна все чаще и чаще останавливается. Фотографирует горы и просит других сфотографировать ее на фоне этих гор. Около каждого цветка нагибается. Разглядывает его, а затем фотографирует.

— Фотографирует, что строчит из пулемета, — буркнул Козлов. Что в его словах было больше — восхищения или осуждения, понять было невозможно.

Сергей заметно стал отставать. Ожидание его затягивалось все больше и больше.

— Тяжело, Сережа? — спросил я.

— Не то слово, Сергеич. Давно не ходил в походы. Даже на рынок, который находится недалеко от дома, стал ездить на машине. Потерял форму. С трудом тяну.

— Совет тебе дам. Как совсем тяжело будет, вспоминай формулу Соломона: «И это пройдет». Полегчает.

Сергей улыбнулся и продолжил путь. Впрочем, на очередном привальнике Вадим забрал у Сергея бутылку воды и продукты.

На пути к вершине горы на хребте один выше другого возвышались пять «пупырей». За последним «пупырем» круто к небу взлетел пик горы Мунку-Сардык.

— Одолеем ли за один день? — засомневался я вслух.

— Одолеем! — уверенно ответил Козлов. — Все ходят за один день.

Ходят-то ходят, подумал я, но все моложе нас вдвое, а то и втрое. Осилю ли я этот путь? Впрочем, на все «пупыри» поднимался первым. Даже приходилось подолгу ждать своих товарищей. После последнего «пупыря» перед нами открылась величественная картина. Между двумя вершинами горы Мунку-Сардык находился цирк, а в цирке лежал ледник. По леднику время от времени катились камни, заканчивая свое падение оглушительным грохотом. Из-под камней вытекала река. Впереди был самый сложный участок пути: крутой и заваленный камнями. Именно в самом начале этого пути со мной что-то произошло. Появилась головная боль, слабость, одышка. Я стал отставать и шел рядом с Сергеем.

— Это горняшка, — сказал Козлов. — Она хватает с трех тысяч метров почти каждого.

Почти каждого, подумал я, но схватила меня одного. Неутомимая Татьяна продолжала фотографировать окружающие горы. Вадим и сам Козлов идут легко. Почему она схватила меня одного? Ведь месяц назад я поднялся на гору Ольховую раньше всей группы на два часа. Шел с молодыми парнями и женщинами. Тут же скис. Вспомнил, что два дня назад здесь поднимались туристы в снегопад, и представил, как им было труднее идти, чем мне, заставил себя идти вверх. Все чаще стали останавливаться на отдых. Одна Татьяна отдыхать не желала. Фотографировала окружающие горы с разных точек.

— Какая в ней энергия! — поделился я своим мнением о Татьяне. — Не присядет даже.

— В Якутии, когда мы ехали к реке Сией, один якут сказал о ней: «Эта женщина мертвого поднимет», — сказал Козлов.

Все рассмеялись.

— Река, вдоль которой мы идем, называется Баян-Гол. А маленькое озеро в горах, выше озера Хубсугул, — Шара-Нуур, — объяснил нам Козлов.

Заключительные шаги к вершине делаю из последних сил. Не захожу, а залезаю на четвереньках. Как же я устал! Даже радоваться не могу. Да что там радоваться! Смотреть на окружающие

вершины не хочется. Пока товарищи резвятся, фотографируя друг друга, надо отдохнуть. Отдышаться. Перелез в сторону. К самому краю.

— Ты уже в России, — сказал Козлов. — Знайте, точно по вершине проходит граница между Монголией и Россией. Сергеич в России, а мы в Монголии. Осторожней. Там пропасть. Только альпинисты поднимаются сюда со стороны России.

И точно. На краю пропасти в камни вбиты крючья-скобы. Навешены веревки. Смотреть вниз страшно. На вершине стоит тригоном и православный крест. На тригономе привязаны ленты, флажки, шарфы. Приставлены щиты из дерева и даже из каменных плит, на которых написано и выбито, в честь какого праздника поднимался народ на эту вершину. Тригоном фактически превратили в обо. Делаю первый снимок креста и этого обо. Затем фотографирую российскую сторону, где в долине лежит бирюзового цвета озеро. На западе горы уходят до самого горизонта.

— Перед нами хребет Большой Саян, — пояснил нам Козлов. — Мало кто видел его с этой вершины, — гордо добавил он.

Только теперь осознал важность восхождения на вершину с названием Мунку-Сардык.

— Посмотрите на озеро Хубсугул, — продолжил Козлов. — Вот по правой стороне и пойдем по нему. Там хребет Баяны. Вершины гор на нем от двух тысяч пятисот метров до трех тысяч ста. А вон на севере хребет Тункинские гольцы. Там мы с Сергеичем и Вадимом ходили на перевалы Динозавр, Шумак и Аршанский.

Кто-то из туристов воскликнул, что конца озера не видно. Долго, наверное, придется плыть.

— Ничего, — ответил уверенно Козлов. — С попутным ветром под парусом дойдем.

— Давайте сделаем общий снимок, — предложила Татьяна. — Гена, сними нас на видеокамеру, а я всех сфотографирую.

После съемок Козлов решил написать записку, как это принято. Он под пирамидой нашел банку с запиской. Достал ее. Зачитал. Оказывается, последний раз поднималась группа российских альпинистов два года назад. Я сказал, что два дня назад здесь была группа из России. Не написали записки потому, что шел снег. Не до того было им.

— Сколько времени сейчас? — спросил Козлов.

Ответил Геннадий Г.:

— Ровно восемнадцать часов.

— Давайте крикнем все «Ура!» — предложила Татьяна.

Недружно прокричали: «Ура!»

— Мало радости, — огорчилась Татьяна. — Разве так кричат.

— Пора! Выходим! — скомандовал Козлов. — На спуске контроль тройне. Не бежать.

— Успеем ли до ночи спуститься? — засомневался Геннадий Г.

Все понимали, что надо хотя бы к лесотундре подойти засветло. Но при спуске, действительно, бдительность должна быть утроена. Легко упасть и сломать ногу или руку. И тогда... Страшно даже подумать, что будет тогда... Когда выбрались из зоны курумников, облегченно вздохнули. Как ни спешили, но к лесотундре пришли в сумерках. И, конечно, заплутали. Белых тряпок на деревьях видно не было. Зашли в болото, через которое утром не шли. Свернули к озеру. Неожиданно вышли на тропу. Пройдя около километра, вновь ее потеряли. Шли уже в полной темноте с фонариками. Проплутав с полчаса по лесу, Козлов увидел отблеск дорожного знака, который ставят водители перед сломанной автомашиной. Этот знак мы видели, когда выходили из леса в лесотундру. У знака нашли тропу. Минут через пятнадцать подошли к автомашине, где нас ждал Миша. Он тоже время не терял. Набрал мешок дикого лука и каких-то полезных трав. Наш знаток трав Геннадий Г. на следующий день рассмотрел эти травы и сказал, что все они лекарственные. Лук же — головки — монголы мелют на мясорубке, сушат и зимой применяют в пищу вместо приправы.

Первая часть запланированного Козловым путешествия была выполнена. На следующий день во время прогулки у озера, при виде горы Мунку-Сардык, нам даже не верилось, что мы поднялись на эту вершину. Настолько она была далека и высока. Весь последующий день собирали во дворе у Миши тримаран. Миша в этом принимал активное участие. Продам нам более десятка ровных сухих жердей, несколько досок и брусьев. Раз пять бегал за инструментом к соседям. Где бы мы все это достали, если бы не остановились у него? К вечеру поставили мачту и парус. Смотреть

на это «чудо» пришли все соседи Миши. Улыбаясь, показывали руками на наше судно и о чем-то говорили между собой. Вероятно, примерно то же, что говорили два гоголевских мужика в «Мертвых душах»: «Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — ответил другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился». Может быть, кто-то из них лучше Козлова знал «Розу ветров» на озере Хубсугул, и они сильно сомневались в нашем успешном плавании под парусом?

Миша, услышав разговоры односельчан, подошел к нам и сказал:

— Люди сомневаются, что мы на этом судне пройдем по рекам в Монголии. Реки сильно обмелели. Некоторые вообще пересохли.

Именно после этого разговора Козлов пересмотрел план путешествия в Монголии.

— По рекам в Монголии сплавляться не будем. Спустимся по западной стороне озера вниз до Хатгала. Возвращаемся по восточной стороне в Ханх. Разбираем тримаран. Этого путешествия нам вполне хватит.

Договорились с Мишей о перевозке тримарана к озеру. Изрядно потрудившись на сборке тримарана, кажется, Сергей произнес:

— Эх! В баню бы сейчас.

— А что! Надо спросить у Миши, есть ли в поселке баня, — поддержал эту идею Геннадий Г. — Пойду спрошу.

Через несколько минут он вернулся. Все! Договорились. Будет через два часа баня. На базе отдыха. Там его родственник работает.

Татьяна, не принимавшая участия в сборке тримарана, еще до обеда отпросилась у Козлова сходить к озеру. Ей необходимо было постираться и помыться. Точно через два часа Миша повел нас в баню. Она оказалась просторной, человек на шесть. Есть и парная.

— Как в России! — обрадовался Сергей.

— Так для наших туристов и сделана эта баня, — ответил Геннадий Г.

Вернулись к дому Миши к вечеру. Татьяна нет.

— Ей давно бы пора вернуться, — забеспокоился Козлов. — Где это она?

— Может быть, стоит обзонить базы отдыха? — предложил Геннадий Г. — У Миши должны быть телефоны.

— Иди, сходи, — сказал ему Козлов.

Геннадий Г. ушел в дом к Мише. Вернулся минут через пятнадцать.

— Не видел ее никто, — сказал он нам обеспокоенно.

— Что будем делать? — спросил Сергей Козлова. — Всякое ведь может быть. Могла утонуть. Вода в озере холодная.

— Могли монголы захватить ее в полон? Изнасиловали? Убили? — предположил Геннадий Г.

— А что? Вполне возможно, — поддержал его Сергей. — Обещала вернуться часа через два-три. Прошло более восьми часов. Либо утонула, либо ее захватили.

— Бросьте вы нагнетать страхи, — ответил я Сергею и Геннадию Г. — Общается она сейчас где-то на базе отдыха с русскими туристами.

— Откуда ты знаешь, Сергеич? — возразил Геннадий Г. — Считаю, что пора звонить в полицию.

— Интуиция, — ответил я. — Я верю в нормальный исход. И зря вы так о монголах. Они нормальные люди. Может быть, даже лучше нас, так как почти все верят в Бога. Заболталась она. Не надо звонить в полицию. Опозоримся только. Не пройдет и десяти минут, как она придет. Я вам сейчас прочитаю, что писал путешественник Потанин о монголах.

Достав из рюкзака общую тетрадь, зачитал:

— «Жизнь монголов проходит тихо. Нравы их мягкие, преступления редки. О зверском обращении с женами или с детьми не слышно. Преступления, в особенности убийство, случаются редко. Русские купцы, живущие в Уляс-сугае, уверяли меня, что в течение семи лет, которые они прожили в этом городке, они ни разу не слышали об убийстве. При них был всего только один случай насильственной смерти, и то самоубийство... Иностранец может спокойно путешествовать по стране. Русские приказчики в одиночку разъезжают по кочевьям с товарами, не жалуются на обиды. Мы сами несколько лет провели в стране, и ни разу с нами не было случая воровства...» А вот что пишет о монголах путешественник Певцов. «О нравственных качествах монголов можно сказать, что они добродушны, приветливы и честны. Характер у них вспыльчивый,

но злопамятность и месть несвойственные их прямодушной натуре. Как и все вообще кочевники, монголы ленивы и беспечны, но не безусловно. Замечательно также в нынешних монголах отсутствие хищнических наклонностей, выражающихся обыкновенно в набегах и грабежах, столь обыкновенных у многих других кочевых народов. В Монголии баранта (захват скота) существует только у енисейских и алтайских урянхаев, а в остальных местах не только грабежи, но даже обыкновенные кражи очень редки...»

— Так когда это было?! — возразил Геннадий Г. — Больше ста лет назад. Люди меняютя.

Сергей и Геннадий Г. еще пытались переубедить меня во мнении о монголах, как со стороны леса мы услышали сигналы машины. К загону подъехала иномарка. Из нее вышла Татьяна и довольная подошла к нам.

— Наверное, беспокоились? — спросила она.

— Что это ты себе позволяешь?! — угрожающе встретил ее Козлов. — Отпросилась на пару часов. Сейчас уже ночь.

— Простите меня, ребята. Я купалась. Помылась. Постирала всю свою одежду. Высушила. Погуляла по берегу. Встретила отдыхающих. Познакомилась. Монгольские товарищи пригласили меня на базу отдыха. Там посидела. Говорила им, что меня уже ждут, но они сказали, что отвезут меня к дому Миши на машине. Вот и привезли.

— Так нельзя делать, — продолжал злиться Козлов. — Мы уже стали тебя искать. Хотели позвонить в полицию.

— Ну простите меня. Больше этого не будет.

— На этот раз объявляю тебе строгий выговор, — сказал Козлов. — Еще что-то подобное... Отправим домой.

— Спасибо! — обрадовалась Татьяна.

Геннадий Г. попытался еще упрекать Татьяну, но Козлов решительно пресек дальнейшие обсуждения:

— Все! Тема закрыта! Ты, Гена, сходи к Мише. Пусть там сварят мясо, которое мы купили в поселке. Надо съедать отходную для хозяев дома. Водка у тебя еще осталась?

— Есть еще несколько бутылок, — ответил Геннадий Г.

— Одной бутылки, думаю, хватит. Отметим отход чисто символически, — заключил Козлов.

Геннадий ушел в дом. Минут через десять вышел.

— Стол готов. Через полчаса баранина будет готова. Хозяева согласились посидеть с нами.

Через полчаса все сидели в доме Миши за большим столом. В углу на широком плоском экране шли российские новости.

— Смотри-ка, — удивился Козлов, — новости наши смотрят в Монголии.

Во время ужина Миша попросил у Козлова пять тысяч рублей для погашения кредита банку. Он понял, что мы обязательно будем возвращаться в Россию через Ханх. Поэтому он за эти деньги нас отвезет в Монды. Ребята засомневались. Я решительно заверил Козлова, что Мише можно верить. Для него честь дороже любых денег. Козлов, подумав, приказал Геннадию Г. передать пять тысяч рублей Мише. Что он тут же и сделал. Миша был на седьмом небе.

Утром, спустив парус, погрузили тримаран на грузовик. И вот наше судно на воде. Рядом большое стадо яков. Собралась большая толпа монголов. Такого судна они еще не видели. На озере полный штиль. Парус пришлось спустить. Погребли вдоль берега. Часа через четыре непрерывной работы поняли, что если не будет попутного ветра, то за полный день пройдем не более десяти километров. Если же будет встречный ветер, то едва ли пройдем и пять километров.

— Мужики! — воскликнул Вадим. — Я весь день рассматриваю дно озера. Рыбы в озере нет. Даже мальков не видел. Да и где эти русские рыбаки? Ни одного не видно.

— Я давно понял, в чем дело, — ответил Геннадий Г. — Эти берега крутые. Здесь горы рядом. Вода быстро стекает после дождя. Там, на восточном берегу, рыба. Там и реки должны быть. Точно нам здесь рыбалка не светит. (Так в дальнейшем и случилось. Ни одной рыбки за все путешествие мы не поймали.)

— Это значит, ухи мы не попробуем?! — разочаровалась Татьяна.

— Будем есть монгольские поэзы и пить кумыс, — заверил Татьяну Козлов.

— Жаль... хотелось бы попробовать ухи из хариуса. Хорошо, что Гена догадался тушенки купить, — сказала Татьяна.

— Рыбы нет здесь потому, что ее сожрало чудовище, — предположил Сергей. — Я где-то читал, что если в озере нет рыбы или

ее мало, то в этом озере живет чудовище, которое ее пожирает.

— Точно, Сергей, — поддержал я разговор. — В Монголии есть озеро, где живет чудовище. Об этом пишет путешественник Певцов. Я только перед отъездом перечитал его книгу о Монголии. Называется это озеро Угэй. Со слов монголов, это чудовище пожирает скот и людей. Оно имеет сходство с короной, но гораздо больше ее. Озеро Угэй в десять раз меньше этого озера. И накануне перед отъездом в Монголию я смотрел передачу по телевизору на эту тему. Говорили о Лох-Несском чудовище. Но люди видели чудовищ и в других озерах: в Канаде, в Африке, в Азии и даже в России. Так что будем осторожны.

— Не пугай, Сергеич, — сказал Владимир. — Слушаешь бредни разные. Гроби лучше.

Весь следующий день так же работали, как рабы на галерах. Парус наш лежал белым пятном на мешках с продуктами. Полдня в третий день стояли на берегу. Дул встречный ветер. Грести было бесполезно. Рыбаки попытались ловить рыбу, но ни одного поклевка не было. Лишь Татьяна не унывала. Она ходила по берегу и фотографировала цветы. Мне это ожидание было крайне необходимо. Поднимаясь к вершине Мунку-Сардык, видимо, выпил лишний глоток ледяной воды. Буквально через полчаса, вместо того чтобы потеть при восхождении, я стал замерзать. Вернувшись из похода, в палатке почувствовал озноб. Мерз даже в спальнике. Через два дня, кроме температуры и насморка, появился кашель и хрипы в груди. Так что встречному ветру и вынужденному отдыху я был рад. В конце четвертого дня случилось происшествие, которое в какой-то степени повлияло на весь план путешествия. Желание Татьяны отснять редких уток было таким сильным, что она всякий раз при приближении к ним доставала из сумки фотоаппарат и пыталась фотографировать. Ближе чем на сотню метров утки нас не подпускали. Либо отплывали подальше, либо вовсе улетали. Я, поняв бесполезность фотографирования птиц, фотоаппарат даже не доставал из рюкзака. Причаливая к берегу, Татьяна приподнялась. Сумка, лежащая у нее на коленях, перевернулась. Фотоаппарат выпал из сумки и булькнул в воду.

— Мама! — вскричала Татьяна. Быстро достала его из воды, но стало понятно:

фотоаппарату конец. Осмотрев его, Татьяна со слезами произнесла:

— Все! Мое путешествие закончилось.

Я вспомнил изречение древних: «Не желайте ничего слишком. Ибо слишком чего-то желающий становится рабом своего желания, но не победителем, и тем утрачивает возможные плоды осуществления желаемого. Надо научиться владеть желаниями, ибо, когда желание владеет человеком, воля его парализуется».

Видя состояние Татьяны, пообещал подарить ей все снимки, отснятые в путешествии.

— Спасибо! Но я бы сама хотела фотографировать, — ответила, едва не плача, Татьяна.

— Я буду давать тебе один из своих фотоаппаратов, но на берегу.

— Большое спасибо! Я не знала, что фотографии на такое способны.

Лед между нами растаял. Еще три дня назад Татьяна называла меня эгоистом, когда я не стал показывать ей отснятые снимки. Даже дежурить со мной при приготовлении пищи отказалась.

На ночевку остановились у красивого леса. К нам подъехал на мотоцикле монгол — мужчина в возрасте около тридцати лет. Договорились с ним о покупке у него молока и хлеба. Он долго предлагал нам купить еще у него водки, но мы наотрез отказались. Цену за бутылку водки он заломил заоблачную. Впрочем, по-русски он почти не понимал. Объяснялись с ним руками. Через полчаса привез молоко, хлеб. Хотел еще взять с нас деньги за посещение этого места, но мы ему объяснили, что в поселке уже за это заплатили. Он уехал. Поужинав, залезли в палатки. Спать было еще рано.

— Хотите послушать, что писал русский путешественник Петр Кузьмич Козлов — твой тезка, кстати, Гена, в своей книге «Тибет и Далай-лама. Мертвый город Хара-Хото»? Я выписал кое-что.

— Почитай, Сергеич, что написал мой тезка, — оживился Козлов.

— Это, Гена, больше относится к тебе. Так как только ты путешествовал в пустынях.

— Ну тем более прочти, — сказал Козлов.

— «Пустыня накладывала свой мрачный отпечаток на все существо человека, так же, как радостная, ликующая природа лесистых гор с грохочущими ручьями,

цветущими полянами и разнообразной животной жизнью окрыляла и вдохновляла душу).

— Это он верно подметил, — подтвердил Козлов.

— Еще о пустыне. «Ночи в пустыне бывали действительно обаятельные. Свежий прозрачный воздух прохладной струей вливался в усталую грудь. Ясное, глубокое небо сияло особенно близкими, особенно яркими звездами, и торжественная чуткая тишина ласкала душу. Сколько раз в пустыне Гоби приходили мне на память грустные и вместе с тем прекрасные строки моего любимого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова: «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит. В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом... Что же мне так больно и так трудно?»

— Как он точно и красочно описал! — изумился Сергей. — Так и было в пустыне Гоби, где мы с Геной путешествовали.

— Вот еще послушайте. «Зори Центральной Монголии вообще отличаются необыкновенной тихой прелестью. Чистый воздух способствует тому, что нежные переливы тонов выступают как-то особенно рельефно и создают неподражаемую по своему художеству картину. Долго, бывало, стоишь неподвижно и молча смотришь в сторону тускнеющего заката. Краски ежеминутно меняются, переходя от пурпурных к розовым и фиолетовым. Небо постепенно становится темнее, глубже, и одна за другою загораются звезды, сначала первой, затем средней и малой величины. Луна украдкой выглядывает из-за отдельных, редких по очертанию вершин гобийских высот. Природа земная засыпает, а небесная открывает свое заманчивое величественное царство».

— Предлагаю тебе, Сергеич, поехать с нами в Монголию. Не поехал. Зря! Ты бы там отснял такие зори! — сказал Козлов.

— Ты, Гена, с Сергеем были в Улан-Баторе. Наверное, видели гору Богдо-Ула?

— Конечно, — ответил Сергей.

— Послушайте, что написал о ней Козлов. «Меня неудержимо тянуло молитвенное обо, открывавшее вид на священную девственную гору Урги, жемчужину Монголии — Богдо-Ула! Увидев ее, я невольно пришел в восхищение и подумал: «Который уже раз я вижу тебя и люблюю тобой, бесконечно долго смотрю на твою таинственную строгую красоту, на твой горделивый девственный наряд. Ты вся прежняя — за-

думчивая, молчаливая, прикрывающаяся сизой дымкой и двумя-тремя нежными тонко-перистыми облачками, стройно проносющимися над твоей могучей головой...»

— Да, красочно пишет мой тезка... — задумчиво произнес Козлов.

— Я, кажется, рассказывал вам о таинственном облаке, которое я видел на вершине горы Чантинзя?

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, Сергеич. Я не слышала, — заинтересовалась Татьяна.

— Стоял я вечером на вершине Чандалаза. Был сильный ветер. Облака неслись от Пидана в сторону горы Макарихи. Я ждал заката. Присмотрелся к необычному облачку, которое висело над вершиной Чантинзы. Все облака неслись, а это висело неподвижно. Облачко это отличалось от обычных облаков. Что-то в нем было. Крутилось что-то в самом облачке. Конечно, я стал смотреть на него более внимательно. Неожиданно облачко это оторвалось от вершины и поплыло в мою сторону. Но ведь все облака летели в сторону Макарихи. Ни одно облако от Чантинзы, кроме этого, к Чандалазу не летело. Когда оно стало подлетать ближе, я заметил, что в нем все что-то кружится и сверкает. Причем с огромной скоростью. Я вспомнил, что народный целитель Валентин Семенов в пятидесятых годах видел подобное облако и сильно был им напуган. Облако, которое он видел, забрало его деда-колдуна. Я стал молиться. Облако, доплыв до отрога хребта Чандалаза, остановилось, а затем на моих глазах рассыпалось.

— Как это интересно! — воскликнула Татьяна. — А что стало с дедом Семеновым?

— Валентин прибежал в деревню Ворошиловку, а дед сидит на лавочке у дома и улыбается. Сказал только ему, чтобы он об этом никому не рассказывал.

— А что Козлов написал? — заинтересовалась Татьяна.

— Слушайте. «Утром, в восемь часов 10 сентября, мы наблюдали довольно оригинальное явление: над северо-восточными горами, ниспадавшими к Куку-Нору и убеленными в верхнем поясе снежным покровом, стояла туча. От нее обрывалась однообразно-серая дымчатая завеса, по фону которой спускалась лента более густой и темной окраски, резко выделяясь на сером небе. Временами эта лента видоизменяла свои очертания, а минуты через три исчезла совершенно».

— Чудеса! — восхитилась Татьяна. — Что еще ты записал о Козлове?

— Да самое главное. Он же первый открыл древний город Харо-Хото. Харо-Хото с монгольского «Черный город». Это остатки монгольской крепости XI–XIII веков. Разрушена Чингисханом в 1226 году. Козлов полагал, что Харо-Хото являлась столицей древнего Тангутского государства Си-Ся. Монголы называют тангутами тибетцев. Говорят они на тангутском языке. К XVI веку тангуты были ассимилированы китайцами, монголами и тибетцами. Во время раскопок Козлов обнаружил тысячи буддийских предметов, рукописей, монет. Нашел до десяти тысяч текстов на тангутском языке буддийского содержания. Обнаруженные Козловым рукописи хранятся в Петербургском Институте восточных рукописей. Предметы материальной культуры — в Государственном Эрмитаже. Как пишет Козлов, осенью 1904 года в Монголии случилось замечательное событие: в эту страну из Лхасы прибыл далай-лама Тринадцатый Тубтэн Гьяцо. Остановился он в Урге, в монастыре Гандан. За время пребывания приобрел большую популярность. Жизнь в Урге забила ключом. Храмы дено и ночью призывали молящихся. Все только и говорили о великом далай-ламе и о тибетцах. Здесь произошла встреча Козлова с далай-ламой. Далай-лама вручил ему хадак с бронзово-золоченым изображением Будды на алмазном престоле. «Этот день был для меня счастливейшим из всех дней, проведенных когда-либо в Азии, — написал Козлов. — В течение двух летних месяцев, прожитых мною в Урге, мне удалось познакомиться со всем двором Далай-ламы. <...> Со времени вступления на престол верховный правитель Тибета уже успел ознаменовать свою деятельность следующими отрядными явлениями: отменой смертной казни, обузданием чиновничьего произвола, устранением злоупотреблений китайских властей, обиравших тибетцев, поднятием народного просвещения... <...> Далай-лама пообещал обеспечить свободный вход в Лхасу для русских, желающих проникнуть в Тибет с научными или коммерческими целями. Меня же лично, трогательно напутствуя, Далай-лама одарил двумя чудными изображениями: Буддой на алмазном престоле и Майтреей, причем заметил, чтобы я с ними никогда не расставался, в особенности с Майтре-

ей, как с богом-покровителем путешественников». Четыре года спустя, в Гумбуме вновь произошла встреча с далай-ламой. Далай-лама пригласил Козлова в Лхасу. Он сказал: «...для вас, путешественника-исследователя, найдется много интересного и поучительного». Козлов пишет, что «из дома-лавраана Далай-ламы в Гумбуме, парящего над всем монастырем, открывался дивный вид на отдаленные южные цепи гор, откуда по направлению к наблюдателю сбегают лучшие альпийские пастбища». Далее он пишет: «Далай-лама очень любит природу, и для него большое удовольствие, скажу больше, потребность, обозревать самые высокие горные хребты и вершины, по которым скользят ярким светом первый и последний приветственные лучи дневного светила. Он — стоящий выше всех миллионов его последователей — стремится углубляться в сокровенные тайны мироздания, чтобы легче постичь смысл земного существования человека».

— Красиво Козлов пишет! — восхитилась Татьяна.

— Восьмого марта экспедиция покинула Гумбум. Вот как Козлов описал это расставание. «На окраинных холмах мы остановились, чтобы полюбоваться на Гумбум, быть может, в последний раз! Ведь мы прощались с колыбелью реформатора буддизма Цзонхавы. В память этого великого и, с точки зрения буддистов, святого человека в Гумбуме красуется храм «Золотой субурган», вечно оживленный молящимися, а его кровля днем почти всегда горит блеском золотых солнечных лучей».

— Надо побывать в Гумбуме, — сказал Козлов. — Тем более что там был мой тезка.

— Козлов был в Лхасе? — спросила Татьяна.

— «В 1922 году, — продолжил я чтение, — Козлов запланировал экспедицию в Монголию и Тибет. Правительство одобрило эту экспедицию и выделило на экспедицию 50 тысяч рублей в серебряных ланах и 50 тысяч в золотом исчислении. Деньги большие. Политическая обстановка того времени — обострение англо-советских отношений — не позволила Козлову совершить путешествие в Тибет, который в то время находился в сфере английского влияния. Козлов отказался от поездки в Тибет. Сосредоточился на исследованиях в Монголии. В 1924–1925 годах экспедиция произвела раскопки древних могильных

курганов в горах Ноин-Ула. Раскопки эти принесли сенсацию — в курганах было найдено большое количество прекрасно сохранившихся предметов: ткани, войлочные ковры с изображением мифических животных, женские косы, седла, изделия из бронзы, монеты, керамика и многое другое. Было установлено, что погребения принадлежат гуннам Ханьской эпохи третьего века до нашей эры. В урочище Олун-Сумэ на месте развалин старого монастыря нашли много ценных находок». Вот, Гена, какой великий путешественник был твой тезка. Правда, и ты как путешественник уже легендарный. Ты не пиаришься. Давно бы превзошел Федора Конюхова, если бы тебя раскручивали, как его.

— Зачем мне это нужно? — сухо ответил Козлов. — Для людей стараюсь. Не для себя. Сотни сделал экспедиций. Ни одного человека не потерял. Люди видели красоту Природы. Люди боролись. Преодолевали природную лень. У Конюхова свой путь. У меня — свой.

— Кстати, — прервал я речь Козлова, — в Урге Козлов в 1924 году встретился с легендарным путешественником Свеном Гедином.

— Кто такой? — заинтересовалась Татьяна. — Что он совершил такого?

— Считаю, что это самый выдающийся путешественник-исследователь в мире. У меня есть о нем книга. Кое-что я из этой книги выписал в эту вот тетрадь. Читайте хотя бы это. И вы поймете одну сторону этого человека. На встрече с президентом США Рузвельтом тот спросил его о том, сколько он убил в Тибете яков. Известно, что Рузвельт был страстным охотником. Гедин сказал Рузвельту: «За все время своих экспедиций ни разу не убивал не то что дикого яка, но вообще ни одного дикого существа, даже гуся. Я не охотник, и у меня есть две причины, по которым я никогда не охотился ни в Азии, ни дома. Я питаю определенное и абсолютное отвращение к уничтожению жизни, которую я не в силах возродить. Дикие яки и все другие животные и в Тибете, и в степях — хозяева на своей земле. Я чужак и непрошенный гость. Я не имею какого-либо морального права прерывать их жизнь по собственной прихоти. К тому же я питаю невероятное отвращение к столь неравной борьбе, какая может быть между охотником и животным. На моей стороне все преимущества. Я скры-

ваюсь в засаде, подкрадываюсь к ничего не подозревавшему зверю, и убиваю его с расстояния в несколько сот метров. Животное не может защитить себя. Я расцениваю это как трусость, нападение на беззащитного. Убивать забавы ради, ради спортивного интереса я запрещаю. В моих экспедициях не разрешено стрелять, пока у нас в запасе достаточно мяса». На прощание Гедин вручил президенту-охотнику только что отпечатанный экземпляр «Трансгималаев». Вспомним Пржевальского, если кто читал его книги. В Приморском крае он охотился на фазанов. Из спортивного интереса убивал их тысячами. Во время экспедиций в Монголии, Китае и Тибете убивал зверей десятками. И умер он потому, что пошел к озеру пострелять птиц. Попил воды озерной. Заболел брюшным тифом и через две недели отошел на вечный покой.

— Где он умер? — спросила Татьяна.

— Скончался Пржевальский в 1888 году в городе Караколе, ныне Пржевальский. Скончался за несколько дней до начала своей самой грандиозной экспедиции, какую он задумал. Он намеревался пройти через Восточный Туркестан в Тибет. Затем в Лхасу. Оттуда на восток, в страну Кам. Ни один путешественник там еще не бывал. Экспедиция эта была хорошо организована и финансирована. И собрал он лучших из лучших: Певцова, Козлова, Роборовского, которые в дальнейшем стали великими путешественниками-исследователями. Не прожил и пятидесяти лет. Считаю, что Природа ему воздала за его страсть к убийству животных. Гедин дожил до глубокой старости. Вот как он написал в конце жизни: «В тысячемильных странствиях пешком, верхом, на верблюде или в лодке меня всегда сопровождали два невидимых создания. По одну сторону от меня была Смерть, пытавшаяся вовлечь меня в безумные приключения и головоломные игры. По другую сторону парил ниспосланный Богом Ангел-хранитель, постоянно шептавший мне в ухо: Господь на твоей стороне!»

— Так в чем же он легендарный? — нетерпеливо спросила Татьяна.

— В нескольких экспедициях по Тибету Гедин восемь раз пересек «белое пятно». Обнаружил до него неизвестную европейцам огромную горную систему, которую он назвал Трансгималаями. Перешел в этой горной системе десятки-десятки высотных перевалов. Составил карты этой горной

системы. Он был хорошим рисовальщиком. Карты географические, нарисованные им, были уникальные. Только за карту, которую он составил по экспедициям Пржевальского, он получил высокую награду. Гедину, первому из европейцев, кроме Елены Блаватской, удалось проникнуть в Таши-Лумпо. Ныне это город Шигадзе. Чтобы попасть в запретную Лхасу, он переделал в рядового слугу. Сбрил усы. Состриг волосы наголо. Намазался краской. Но его разоблачили и выдворили за пределы Тибета. Он был настолько знаменит во всем мире, что императоры считали за честь с ним встретиться. Он много раз встречался с императором Нихолаем Вторым. Обсуждал с ним планы своих путешествий. Получил разрешение проехать через Россию. Император даже предоставлял ему охрану казаков. Лучшей охраны у него в экспедициях не было. Гедин встречался, пожалуй, со всеми самыми известными, выдающимися людьми конца XIX — начала XX веков. Встречался с японским императором и генералиссимусом Чан Кайши. О встречах с выдающимися людьми он даже написал книгу. А вообще им написаны десятки книг. Он прекрасный писатель. Книги оформлены его рисунками и фотографиями.

Духу и настойчивости в нем было на десятки человек. Четыре раза пытался покорить вершину горы Музтаг-Ата, высотой семь тысяч пятьсот сорок шесть метров. Фактически не являясь альпинистом и не имея подготовки. Это священная гора киргизов. Ему говорили, чтобы он не поднимался на эту вершину. В четвертый раз поднялся до высоты шесть тысяч триста метров и сдался. Мешали ему или погодные условия, или собственная болезнь.

— Все равно, подняться на высоту шесть тысяч триста метров, не имея подготовки, это здорово, — удивился Сергей.

— Гедин производил раскопки у озера Лобнор, где были развалины таинственного города Лоу-Нор. Нашел тридцать шесть кусков бумаги и сто тридцать одну дощечку с китайскими письменами. Город этот пал в IV веке. Когда его выдворили из Тибета, он прошел к Ладаку, а затем в Индию. Потом вновь через Ладак пришел в Кашгар. Это, кстати, путь Рериховской экспедиции из Индии в Россию. Но они шли спустя двадцать пять лет после Гедина. На этом пути пять высоких перевалов, выше пяти тысяч метров. Он все это преодолел. Вернулся в

Стокгольм через Россию. В Тибете Гедин обнаружил истоки рек Инда и Брахмапутры. Был у горы Кайлас и озера Манасаровар. Встречался в России с большевиками Чичериним и Луначарским. Разговаривал с ними о Тибете и о большевизме в России. Позже вновь путешествовал несколько раз по Китаю. Исследовал руины нескольких городов. Побывав у реки Кум-Дарья в Китае, он написал следующее: «Одно из восхитительных путешествий, которые я когда-либо совершал в сердце Азии».

На пятый день нам предстояло пересечь большой залив и подойти к полуострову Долоон-Уул. Во время перехода неожиданно подул сильный северный ветер. Поставили парус. Впервые почувствовали, что значит плыть под парусом. Тримаран несло как пушинку. Постепенно волны, гнавшие плот, стали увеличиваться.

— Меня заливает волна! — испуганно закричала Татьяна. — Я вся уже мокрая!

— Давайте гнать дальше, пока есть попутный ветер, — предожгли Сергей и Геннадий Г. — Завтра может не быть ветра и опять придется ишачить.

Когда волны поднялись еще сильнее и стали накрывать Татьяну, Козлов скомандовал:

— К берегу!

Сергей и Геннадий Г. пытались уговорить Козлова пройти под парусом еще пару часов, но Козлов был неумолим:

— Гребем к берегу!

Причалили с огромным трудом. Двухметровые волны захлестывали рюкзаки и мешки с продуктами. В этот вечер возник первый конфликт. Сергей и Геннадий Г. стали упрекать Татьяну в том, что из-за нее не проплыли еще с десяток километров под парусом.

Возрастающий конфликт удалось замять Козлову:

— О дальнейшем плавании не могло быть и речи. Жизнь и здоровье участников для меня важнее, чем этот попутный ветер. Будут еще попутные ветра.

В эту ночь над нами разразилась гроза. Уснуть не удалось. Вокруг палатки сверкали молнии, гремел гром. Через какое-то время в погоде что-то изменилось. Молнии продолжали сверкать у самой палатки, а грома слышно не было. Сначала показалось, что я оглох. Но порывы ветра, трепетание тента я слышал. Почему же нет грома? Сверканье молний без грома продолжалось

более десяти минут. Затем молнии исчезли. Стало темно. Только дождь барабанил по тенту, да ветер пытался его сорвать. Утром Вадим и Геннадий Г. рассказали, что ночью они видели шаровые молнии, размером с футбольный мяч, которые горизонтально летали по поляне, но палаток не задевали. Все это явление длилось более десяти минут. Они смотрели на шаровые молнии со страхом и любопытством. Так вот почему я видел молнии около палатки, но не слышал грома. Произошло редчайшее явление. Вспомнил, что во время грозы я начал мысленно молиться и просить помощи у Господа и Пресвятой Богородицы. Почему это пришло мне неожиданно в сознание, я тогда не понял. Но ведь были случаи, когда шаровые молнии залетали в палатки к туристам. Калечили их или даже убивали. Не молитва ли помогла нам?

На следующий день подошли к необыкновенному месту. На огромной поляне цвели тысячи цветов. Причем цветы словно были рассажены клумбами. Ни один садовод в мире не смог бы создать того, что создала природа.

— Это рай! — воскликнула от радости Татьяна. — Где мой фотоаппарат?

Понимая ее состояние, я отдал ей свой малый фотоаппарат, а сам стал фотографировать профессиональным «Никоном».

— Снимков не жалеть, — объявил я всем фотографам. — Здесь каждый снимок — шедевр.

Гуляли по поляне с полчаса. Наш ботаник Геннадий Г. насчитал несколько десятков видов цветов. Такого количества и разнообразия нигде никогда не видел. Кто еще, кроме нас, видел такую красоту? Ведь к этому месту троп нет.

В этот день впервые стали тянуть тримаран за веревку, то есть бурлачить. Это оказалось много легче, чем махать веслами. В этот же день у меня случился кризис. С плота, когда причалили на обед, сошел с огромным трудом. При попытке пройти по берегу упал, едва не потеряв сознание. Ребята, поняв, что со здоровьем моим не все в порядке, решили стать на ночлег.

— Это последствие солнечного удара, — предположил Козлов. — Такое бывает. Температуры нет, а голова кружится. В тенике надо полежать. Положить на голову мокрую тряпку.

И действительно, постепенно сознание пришло в норму. Я объявил товарищам, что

иду до ближайшей базы отдыха. Продолжать дальше путешествие с таким здоровьем опасно. Татьяна сказала Козлову, что отпускать меня одного в таком состоянии нельзя. Она тоже останется на базе отдыха. Все равно, мол, после потери фотоаппарата смысл путешествия она потеряла.

Весь следующий день либо гребли, либо тащили судно за веревку. Все изрядно вымотались. Вместо баз отдыха на берегу стояли зимники — дома и загоны для скота. Людей не было. Стоянку для ночлега выбрали у небольшого озера, которое находилось в десяти метрах от озера Хубсугул. Место было красивое. Неожиданно с этого озера взлетело два десятка белых лебедей.

— Фотографируйте! — вскричала Татьяна.

Но где там! У всех фотоаппараты лежат в сумках или в рюкзаках.

— Эх! — разочарованно произнесла Татьяна. — Я бы успела отснять.

Да, подумал я, она бы точно успела сфотографировать летящих лебедей.

Вечером перед ужином Татьяна стала упрекать Козлова в обмане.

— Гена, где базы отдыха? Где попутный ветер? Где монгольские позы и кумыс? Где рыба, которой мы должны уже объесться?

Козлову эти упреки не понравились. Он в шутку назвал Татьяну... женщиной.

— Да ты хам! — вскричала Татьяна. — Куда я попала?! Я никогда этого тебе не прощу!

Татьяна еще долго упрекала Козлова за обман и за хамство. Впрочем, во время ужина у Геннадия Г. оказался «неприкосновенный» запас спирта. После нескольких глотков разведенной с озерной водой смеси состоялось примирение.

Оставив товарищей у костра, решил прогуляться вокруг небольшого озера. Оно было размером метров двести на сто. Никаких следов к озеру не нашел. Придя к бивуаку, сообщил всем, что тропы к озеру нет. Оба мыса неприступные. Вполне возможно, что это озеро с лебедями и эту красоту мы видим первыми из людей.

И в следующий день судно либо тащили за бечеву, либо гребли. На берегу видели лишь зимники. Баз отдыха не было. И вновь вечером в группе произошел конфликт. На этот раз начал Вадим. Все эти дни он шутил. Пытался гасить конфликты, которые часто возникали между Татьяной и Геннадием Г. Она постоянно его упрекала в том, что он

лодырничает на плоту. Не гребет, а лишь мочит весло в воде.

Вадим спросил у Козлова:

— Гена, где твои базы отдыха? Откуда ты их взял? Вместо них мы видим только зимние стоянки для скота. Мне надоела эта тягомотина. Я иду до ближайшей базы отдыха. Схожу с дистанции и уезжаю к границе.

У Татьяны тоже накипело, видимо, до такой степени, что сдержаться она не могла.

— Гена, ты обманывал нас, когда рассказывал в своем доме сказку о монгольском путешествии. Мы уже десять дней гребем, но нет ни баз отдыха, ни попутного ветра, ни монгольских поз, ни кумыса, ни рыбы. Ты даже не выяснил в Интернете, куда здесь дуют ветра. А ветра дуют все время нам навстречу. Никакой ты не руководитель. Ты даже не можешь сделать замечание своим друзьям — Сергею и Геннадью. Ты же видишь, что Гена откровенно не гребет, Сергей постоянно балаболит. Не делаешь им замечания потому, что ты от них зависишь.

— Ну, я понимаю тебя, Татьяна. Ты утопила фотоаппарат. В результате — нервный срыв, — ответил Козлов.

— Фотоаппарат тут ни при чем, — возразила Татьяна. — Ты обманул нас.

— Ты, Татьяна, дура баба, — вспыхнул Козлов.

— Да ты хам! Я это поняла в прошлый раз. Все! На ближайшей базе отдыха я от вас ухожу. Не в том коллективе я оказалась.

— Ты действительно, Татьяна, дура баба, — возмутился Сергей. — Ну как Гена может зависеть от меня?

— Куда я попала?! — вскричала Татьяна. — Да это же коллектив хамов! Боже мой! Все! До первой базы отдыха — и я от вас сваливаю.

Вечером во время распития «неприкосновенного» запаса водки вновь состоялось примирение. Все решили, что при первой возможности сплав заканчиваем. Разбираем тримаран. Выезжаем к границе. После принятия этого решения мне показалось, что в людях произошло резкое изменение. Появилось праздничное настроение. Залезли в палатки. Улеглись. Взглянув на верхнюю часть палатки над входом, вдруг увидел четкий образ человеческого лица. Это был старик с небольшой бородкой. На голове его была необычная шапочка. Старик кого-то мне напомнил... Да это же лицо Николая

Рериха! Так похоже. Лицо было доброе. Даже показало улыбку, что он улыбается.

— Смотрите! Лицо человека, — сказал я товарищам.

— Где? — заинтересовалась Татьяна.

Показал ей рукой.

— Точно! Лицо человека, — обрадовалась она. — Да какое четкое.

— Где, где? — нетерпеливо спросили разом Козлов и Сергей.

— Да вон! Вверху над входом в палатку на полотне, — ответила Татьяна.

— Точно, лицо! — удивился Козлов.

— Удивительно, — произнес Сергей.

— Сергееч, что же ты лежишь? Сфотографируй, — заторопилась Татьяна.

Я стал доставать фотоаппарат из сумки, которая лежала у моей головы. Только взялся включить его, как лицо стало расплываться и затем исчезло.

— Чудеса какие-то происходят, — произнес Сергей. — То шаровые молнии, то лицо.

Козлов, ухватившись за эту тему, долго рассказывал нам о чудесах, которые проявляли шаманы. Рассказы о шаманах — его любимая тема.

На следующий день начались встречи с иностранными туристами. Впервые за десять дней увидели на берегу людей и автомашину. Подплыли к берегу. Вадим на английском языке объяснился с женщиной, который подошел к нам. Оказалось — они из Голландии. Побывали на Алтае, у Байкала, в пустыне Гоби. Приехали сюда на отдых. Узнав, что я болен, мужчина принес таблетки. Часа через два у речки на поляне я встретил большую группу иностранцев. Они путешествовали на лошадях. Через полчаса к этому месту причалило наше судно. Вадим, поговорив с иностранцами, сказал нам, что это сборная команда из Израйля, Германии и Франции. Они по Интернету нашли друг друга. Договорились о путешествии в Монголии. Ближайшая база отдыха находится в двадцати пяти километрах от этого места. Двое наших рыбаков, Сергей и Геннадий Г., взяв удочки, пошли к речке рыbachить. Я пошел вверх по реке к каньону. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что река вытекает из-под хребта. На высоком берегу стоит пирамида из жердей, вся увешанная шарфами. Внизу, где появляется река, около двух десятков дощечек с надписями. Да это же знаменитые монгольские источники! И дорога к этому

месту наезжена. Вернувшись к стоянке, рассказали об этом Татьяне и Козлову. Они ушли к источникам. От речки вернулись Сергей и Геннадий Г., сказав, что рыбы в реке нет. Объяснил им, что рыбы в этой реке и быть не может, так как эта река минеральная.

Весь следующий день тримаран тащили бечевой. Я, как больной, был освобожден от этой работы. Шел по берегу озера. Все чаще стали встречаться иностранные туристы. Это радовало. В каждом доме, который появлялся на горизонте, видел базу отдыха. Но это все были зимники. И вновь ночевка в палатке у зимника. Утром сказал товарищам, что сегодня точно выйдем к базе отдыха. Показав на дальний мыс, находящийся в десятке километров от нашей стоянки, заверил всех, что там будет база отдыха. Ребята лишь усмехнулись, но опровергать не стали. Вновь пошел берегом по дороге, а товарищи с малым попутным ветром поплыли под парусом. Опередел их километра на три. Подходя к одному из домов, вдруг увидел около дома машины. Оказалась база отдыха. Вошел в дом, где находилось несколько мужчин. Один из монголов хорошо говорил на русском языке. Сказал ему, что мы плывем на плоту и хотим уехать на автомашине в Хатгал. Он понял, ответил, что может нас довезти. Я пошел к берегу и стал звать своих товарищей. Сказал им, что хозяин дома может нас довезти до Хатгала.

— Все! Разбираем тримаран. Отвезут нас, Сергеич, до Ханха за двадцать тысяч рублей. Путь длинный. Около двухсот километров. Дорога плохая. Считаю, это по деньгам, — заключил Козлов.

Даже не верилось, что все так быстро устроится. Разобрали тримаран. Сложили гондолы в сумку. Жерди, доски, бруски оставили хозяйну базы. Через час подъехала «таблетка». Загрузились. Едем к Хатгалу. Никакой грусти о том, что с плаванием покончено, нет. Всем это плавание настолько осточертело, что ностальгии расставания с тримараном не возникло. От этой базы отдыха началась цивилизация, которой мы не видели две недели. По берегу озера почти сплошь, гранича друг с другом, стояли базы отдыха. В них суежились отдыхающие. Некоторые домики были оригинальной постройки. Татьяна порывалась остановить машину у таких домиков и сфотографировать их моим фотоаппаратом, но народ в машине был категорически против.

— Какие вы все нелюбопытные! — возмущалась Татьяна. — Когда еще увидим такое?

К вечеру подъехали к поселку Хатгал. Конечно, заехали в столовую. Заведующая владела английским языком и принимала заказ от Вадима.

— Вадим, скажи ей, что я хочу мясо. Много мяса, — сказала Татьяна.

Все заказали монгольские позы, салат и монгольский чай. У кого-то из ребят оказалась припрятана бутылка водки. Как этот турист хранил ее полмесяца, одному богу известно. Все согласились, что, несмотря на многие трудности, наше путешествие в Монголии было интересным. Сделали много редких снимков и видеозарисовок.

Водитель автомашины жил в этом поселке. Он приехал не один. В кабине машины сидели четыре его родственника, которые ехали в сторону Ханха.

— Не многовато ли будет нас в этой машине? — засомневались мы с Вадимом.

Три девочки в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет сидели на переднем сиденье с водителем. Жена водителя уселась с нами.

И еще одно испытание. Уснуть невозможно, так как машину ежесекундно бросает на кочках и ямах, то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Девочки не унывали. Они пели песни, вскрикивали на ухабах, смеялись. Для них эта дорога — обычное явление. Часа в четыре ночи в коробке передач что-то заскрежетало и машина остановилась.

— Все! Приехали! — сказал Вадим. — Я еще вечером заметил, что с коробкой передач у него не все ладно. Передачи включались с трудом. Можно ставить палатки. Ремонт этот надолго.

Все приуныли. Как не хотелось опять лезть в палатку. Девочки тоже притихли. Но, к нашему огромному удивлению и радости, минут через десять к нам подъехала еще одна «таблетка». Водитель сказал нам пересаживаться. Быстро перегрузили вещи в другую машину. Расселись. За руль сел тот же водитель, который вез нас. Приехавший остался со сломанной машиной. Каким образом на участке безлюдной дороги в сто пятьдесят километров оказалась автомашина, на которой нас повезут в Ханх, осталось для нас полной загадкой. Это было какое-то чудо. Около восьми часов утра вдали показались цветные крыши поселка.

— Через час будем в Ханхе, — сказал Вадим.

И точно. Ровно в девять часов мы въезжали во двор Миши. Встретила нас его дочь. Она уже с вечера знала, что мы утром должны приехать. Ей позвонил водитель, который нас привез. Миши дома не было. Он был в Монды. Но о нашем приезде знал и дал указание дочери и сыну отвезти нас в Монды. Через два часа приехал сын Миши. Вновь загрузили вещи в автомашину. В поселке останавливаемся у магазина «Сувенирь». Делаем покупки. Едем к границе. На этот раз проверка прошла много быстрее. Через час мы мчимся по бетонной дороге к поселку Монды. Остановились в той же гостинице. Даже в том же номере. Теперь предстояло найти водителя с автомашиной, чтобы уехать к станции Слюдянка. Помогла администратор гостиницы. Нашли водителя с микроавтобусом. Договорились с ним по телефону о цене и времени выезда. В шесть часов утра выезжаем к станции. Приехали к железнодорожному вокзалу к десяти часам. До прибытия нашего поезда оставалось два часа. Бежим к кассе. Билетов нет. Есть на сегодня лишь один купейный билет. Покупаем его Вадим, который первый стоял у кассы. И на завтра нет билетов. Только на послезавтра. Конечно, покупаем билеты. Я с Сергеем и Татьяной попадаем в один плацкартный вагон. Оба Геннадия — в купейный. Проводив Вадима, начинаем рассуждать, где ночевать и хранить вещи. Гена Г. и Сергей предложили идти к Байкалу. Там поставить палатки, купаться, варить пищу, ждаты. Я категорически воспротивился. Заявил, что буду спать на вокзале. Здесь два зала. В одном зале есть диваны. Он платный. Можно сдать рюкзаки в камеру хранения и гулять в городе до вечера. С этой целью подошел к дежурному по вокзалу — молодой женщине Наталье. Имя увидел на ее бейджике, который висел на груди.

— Наташа, нельзя ли нам расположиться в этом зале?

— У нас есть экономномер за четыреста пятьдесят рублей в сутки. Можете оплатить и устраиваться.

Заплатив деньги и получив ключ от комнаты, подошел к товарищам:

— За мной!

Взвалив рюкзак, пошел в помещение, где находился этот номер. Это оказалась большая комната, в которой были кровать, диван, стол, телевизор.

— Ну Сергеич, ну Сергеич! Молодец! — сказал довольный Сергей. — В таком номере можно жить сколько угодно. И почти бесплатно. Опять удача.

Перекусив, сходили в центр города. Посмотрели рынок. Походили по магазинам. После обеда все, кроме меня, пошли к Байкалу купаться. Благо день был жаркий. Я остался в комнате читать газеты. Вернулись товарищи поздно вечером. Узнали, где находится городской музей. Татьяна решила на следующий день съездить в Иркутск. Посмотреть старый город. С утра пошел дождь. Сергей и два Геннадия ушли в музей. Татьяна уехала в Иркутск. Я вновь остался в номере. Дождь лил весь день. Вернулись в номер все поздно вечером. Промокшие, но довольные. И следующий день оказался дождливым. (Как бы мои товарищи сидели эти дни в палатке?)

Три дня и три ночи в поезде. Опять все те же пейзажи. Кипрей отцвел. Появились другие цветы — желтые и белые. Днем с Сергеем разбирали шахматные партии grossмейстеров. По вечерам и на рассвете стоял у окна возле купе проводника. Рассматривал пролетающие пейзажи, дышал свежим воздухом. В районе Уссурийска увидели последствия стихийного бедствия — тайфуна, налетевшего на Приморский край. Поля подтоплены. Дороги размыты. На станции Угольной вышли все, кроме Татьяны. Последний этап пути — с Бархатной автобусом до площади. Восхождение на пятый этаж к своей квартире. Встреча с родными.

Путешествие закончилось.

